

УДК 327

EDN PRCPGH

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran42022143151>

ШИИТСКИЕ ОБЩИНЫ В ЕВРОПЕ: УМЕРЕННЫЕ VS РАДИКАЛЫ. ЧАСТЬ 2

Александр Иванович Шумилин

ИЕ РАН, Москва, Россия, e-mail: mideast@bk.ru, ORCID: 0000-0003-1778-4828

Ссылка для цитирования: Шумилин А.И. Шиитские общины в Европе: умеренные vs радикалы. Часть 2 // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2022. №4. С. 143-151. DOI: 10.15211/vestnikieran42022143151

***Аннотация.** Во второй части статьи под выше приведённым названием автор рассматривает роль и место шиитских общин в политике Ирана на европейском направлении. В отличие от ближневосточного региона, где у Тегерана преобладают религиозные и военно-стратегические установки, в подходе к странам Евросоюза доминирует прежде всего торгово-экономический интерес в сочетании с видением ЕС как полезного западного партнёра при сохраняющемся противостоянии с США. Такое восприятие ЕС Тегераном особенно заметно в контексте подготовки и согласования обновлённой «ядерной сделки», где европейцы явно выступают посредником между Ираном и Соединёнными Штатами. В сложившихся условиях без лояльности и активности шиитских общин в странах Старого Света власти Тегерана вряд ли могут рассчитывать на успех на европейском направлении. Добиться этого возможно только путём продвижения привлекательного образа Ирана в указанных общинах, большинство в которых составляют выходцы из этой страны. Многие из них продолжают негативно относиться к режиму аятолл, от которого в последние десятилетия бежали в Европу либо они сами, либо их родители. Поэтому к шиитским общинам власти Исламской республики пытаются использовать весь инструментарий «мягкой силы», но одновременно стремясь радикализировать их, тем самым «отчуждая» от культурного пространства Европы и максимально «приближая» к иранскому мировидению.*

***Ключевые слова:** Иран, Хомейни, рахбар, внешняя политика, исламизм, шиизм, ядерная сделка, Хезболла, мягкая сила, шиитские общины.*

Статья поступила в редакцию: 30.08.2022.

SHIITE COMMUNITIES IN EUROPE: MODERATES VS. RADICALS. PART 2

Alexander I. Shumilin

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
e-mail: mideast@bk.ru, ORCID: 0000-0003-1778-4828

For citing: Shumilin, A.I. (2022). Shiite communities in Europe: moderates vs. radicals. Part 2. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN* 28(4): 143-151. (in Russian). DOI: 10.15211/vestnikieran42022143161

***Abstract.** In the second part of the article, under the above title, the author examines the role and place of the Shiite communities in Iran's policy towards the European direction. Unlike the Middle East region, in relation to which Tehran's policy is dominated by religious and military-strategic attitudes, the approach to the EU countries is dominated primarily by trade and economic interest, combined with the vision of the EU as a partner in interaction with Western countries in the face of ongoing confrontation with the United States. This perception of the EU by Tehran is especially noticeable in the context of the preparation and negotiation of a renewed «nuclear deal», where the Europeans clearly act as an intermediary between Iran and the United States. Under these conditions, without the loyalty and activity of the Shiite communities in the countries of the Old World, the Tehran authorities can hardly count on the success of their policy in the European direction. This can only be achieved by promoting an attractive image of Iran in these communities, the majority of which are from this country. Many of them continue to have a negative attitude towards the ayatollah regime, from which either they themselves or their parents fled to Europe in recent decades. Therefore, in relation to the Shiite communities, the authorities of the Islamic Republic are trying to use all the tools of «soft power», but with an emphasis on the factor of their radicalization, which is designed to «alienate» the Shiites there from the cultural space of Europe and «bring» them as close as possible to that of Iran.*

***Key words:** Iran, Khomeini, Rahbar, foreign policy, Islamism, Shiism, nuclear deal, Hezbollah, soft power, Shiite communities.*

Article received: 30.08.2022.

8 августа 2022 г. глава европейской дипломатии Жозеп Боррель сообщил о готовности сторон к подписанию окончательного текста обновлённого соглашения о модальности урегулирования ядерной проблемы Ирана с мировым сообществом (Совместный всеобъемлющий план действий – СВПД). Документ представлен пятью постоянными членами Совбеза ООН и Германией. «Что должно было обсуждаться – обсуждено. Сейчас текст соглашения находится в финальной стадии. Однако по каждому техническому вопросу и каждому параграфу необходимо политическое решение» («Final text» to revive... 2022). Напомним, что по этому соглашению Тегеран обязуется обеспечить доступ международных экспертов на свои ядерные объекты и снижать темпы реализации ядерной программы в целом под контролем МАГАТЭ, а остальные подписанты документа – поэтапно снимать санкции, ранее наложенные Совбезом ООН на Иран.

Это и другие заявления Ж. Борреля по данной теме отчётливо свидетельствуют о том, что именно европейцы (в частности, соответствующий департамент Еврокомиссии), по сути, взяли на себя посредническую миссию с целью свести за столом переговоров представителей Ирана и США. Эти усилия приветствовались обоими антагонистами, давно переставшими вступать в прямой контакт. Впрочем, в Тегеране чуть ли ни с момента исламской революции 1979 г. рассматривают Брюссель в качестве политического моста между Ираном и США. И в большинстве случаев Евросоюз исправно выполняет эту функцию, что для него важно как с

политической, так и с экономической точек зрения, поскольку европейцев и иранцев традиционно связывает весьма внушительный объём товарооборота. Два эти важнейших параметра политики Тегерана на европейском направлении диктуют иранским властям необходимость укреплять и расширять связи с шиитскими общинами в странах Старого Света. Задача не из простых, поскольку изначально иранская диаспора в Европе формировалась оппозиционно настроенными к теократическому режиму волнами эмигрантов из этой страны. Поэтому как минимум два поколения выходцев из Ирана первоначально были склонны принимать европейские ценности, при этом во многом сохраняя и продиктованные шиитскими догмами традиции и устои (Шумилин 2022).

Особенности внешней политики Ирана

Необходимость «плотно работать» с шиитскими (иранскими) диаспорами в Европе, заметим, изначально вполне органично вписывалась в концептуальные основы внешней политики постреволюционного Ирана, в частности, такие, как установка на продвижение ценностей ислама и экспорт исламской революции, «защиту угнетённых», поддержку шиитских меньшинств во всём мире (Iran...: 34). Сколь устойчивыми ни казались бы данные категории из идеологического ряда, большинство экспертов, однако, полагают, что уже в 1980-е гг. – и особенно после смерти основателя исламской республики аятоллы Р. Хомейни в 1989 г. – внешняя политика страны во всё большей мере определялась соображениями прагматического характера, нередко вступая в конфликт с идеологическими постулатами. Более того, как ни парадоксально, политическая и административная системы Исламской Республики Иран (ИРИ) изначально выстроены, по сути, на сочетании постулатов демократии и теократии. «Так, внушительные части конституции страны навеяны политическими системами западного образца, которые революционная риторика (иранских властей – А.Ш.) отчётливо и неизменно презирала, а отнюдь не исламского права», – считает известная датская исследователь Катрин Бернеков Расмуссен (Rasmussen 2009: 2).

В подтверждение этого тезиса она поясняет, что в то время как практически абсолютная власть находится в руках Верховного лидера (рахбара), сама система управления поделена между реально избираемыми представителями населения, с одной стороны, и клерикальными структурами, которые никто не выбирал, с другой. У них различные сферы влияния, контроля и ответственности с правом одних (в большинстве случаев клерикалов, консерваторов, фундаменталистов) опротестовывать решения избранных политиков и структур. Поэтому, делает вывод К.Б. Расмуссен, «в рамках данной системы какие-либо существенные и быстрые перемены в политической жизни Ирана оказываются практически невозможными» (Rasmussen 2009: 2). Добавим, что с особой остротой противостояние между избранными и клерикальными структурами развернулось в стране с началом переговоров по ядерной программе и продолжается до последнего времени (Шумилин 2020).

При анализе внешней политики Ирана следует выделить несколько ключевых моментов. Первое: её двойственность. Второе: сохраняющееся доминирование базовой концепции режима «Велаят е-факих» (*Velayat-e faqih* – «охранение внутренних и внешнеполитических процессов со стороны Верховного лидера»). Третье: постоянно присутствующая установка на радикализацию внешнеполитической линии в целом при опоре на «негосударственные акторы» или прокси-организации¹.

¹ Авторитетные иранские и западные эксперты используют английский термин «*substate actors*», который правильнее переводить на русский язык не как «негосударственные структуры», а как «окологосударственные», предполагающие прямое или косвенное подчинение этих акторов государству.

Двойственность проявляется в идеологическом и институциональном противостоянии между избранными политическими структурами, управляемыми формальным главой исполнительной власти – президентом, и не избираемыми клерикальными структурами. Самый яркий пример такого противоборства – это подход оппонентов к «ядерной сделке».

Остаётся неизменным примат *концепции «Велаят е-факих»*, которая как таковая сводится в конечном счёте к утверждению доминирования клерикальных кругов над светскими группами населения страны и над государством в целом¹. Применительно к внешней политике она предполагает возможность вмешательства рахбара в процесс уже осуществляемого иранским МИДом решения. Явных примеров тому привести не просто. Но теоретически и институционально оно вполне вероятно и законно: образно выражаясь, такого рода угроза нависает над партнёрами Ирана на международной арене как «Дамоклов меч».

Тенденция к *радикализации* внешней политики подпитывается её базовыми обоснованиями: «Иран находится во враждебном окружении», его миссия – «борьба с США и Израилем», спасение «угнетаемых шиитских меньшинств» и опора на них в регионе и во всём мире. На Ближнем Востоке политика Тегерана проявляется особенно наглядно: соседние арабские страны он рассматривает как «поля сражений», но действует там не всегда под своим флагом (как это происходит в Сирии, где используется специальное формирование «Аль-Кудс», формально входящее в состав Корпуса стражей исламской революции – КСИР), а под прикрытием прокси-формирований – в первую очередь ливанской военизированной организации «Хезболла» (по-арабски «Хизбалла») и её филиалов в других странах (в частности, в Сирии и Ираке, где они называются «Катаиб Хизбалла»), а также формирования «Армии Махди» и другие.

По словам члена Консультационного совета² Саудовской Аравии Мохаммеда аль-Хунайзи, «Иран принимал участие в большинстве региональных конфликтов, что помешало усилиям по восстановлению мира и безопасности на Ближнем Востоке» (Ирану запрещают вести... 2018). В том же духе высказывается и К.Б. Расмуссен: «Иран использует нестабильность как тактический инструмент. Зная, что достижение стабильности было и остаётся важнейшей целью США на Ближнем Востоке и жизненно важно для Израиля и консервативных арабских монархий, Тегеран провоцирует и подпитывает радикализацию на негосударственном уровне» (Rasmussen 2009).

Известный аналитик иранского происхождения Али Парчами называет попытку аятолл сочетать религиозный фактор (шиизм) с национальной идентичностью своих соотечественников «гибридной субкультурой со своими мировоззрением, ценностями и нормами» (Parchami 2022). Внешнюю политику клерикальных правителей Ирана эксперт определяет как «ревизионистскую, пропитанную враждебностью к Западу, особенно, к США». В стремлении экспортировать свои революционные идеи иранские власти, подчёркивает он, сочетают «инструменты современного национального государства с транснациональной политикой исламизма» (Parchami 2022).

Формирование в шиитских общинах в Европе настроений и позиций, созвучных господствующим в Тегеране, было и остаётся одной из важнейших задач его внешней политики. С

¹ Эта концепция лежит в основе системы управления, установленной в Иране сразу после исламской революции 1979 г. Своими корнями концепция уходит в истоки шиизма. Многие эксперты называют ее обоснованием «шиитского исламизма». Она считается основой для понимания системы управления в самом Иране, но и проясняет методы и инструменты распространения его религиозного и политического влияния в шиитских общинах других стран. См. подробнее: (Aarabi 2019).

² *Меджлис аш-Шура* или *Консультативный совет* учрежден в 1993 г. как законосовещательный орган в системе управления королевства. В его составе 150 членов, которые назначаются королем. Главой меджлиса назначен Абдуллах ибн-Мухаммед Аль-Шейх, который до 2009 г. был министром юстиции.

этой целью руководство Ирана использует как инструменты «мягкой силы», так и распространение весьма радикальных идей и установок. Последнее, как и на Ближнем Востоке, делается в Европе «под чужим флагом», а именно – организации «Хезболла», которая за последние два десятилетия развернула на этом континенте масштабную сеть. И это несмотря на то, что в большинстве стран ЕС она признана террористической и запрещена. Проблема, однако, в том, что в 2013 г. (после теракта в Болгарии, совершённого агентами «Хезболлы») на уровне ЕС было решено запретить только военное крыло этой организации. Политические же структуры и подконтрольные им культурные учреждения сохраняли свободу действий в европейских странах. Брюссель тогда опасался, что полный запрет воспрепятствует его усилиям по урегулированию ситуации в Ливане (EU decision to... 2013). Примечательно, что призывы к нему начали активно раздаваться в Европе только в 2020 г. – также после серии исламистских терактов во Франции и Австрии (Mounting pressures... 2020).

Изменение подходов большинства европейских политиков к перспективе легального присутствия представителей «Хезболлы» на континенте объясняется не только упомянутыми терактами, но и распространением ими в шиитских общинах откровенно радикальных идей в духе политико-идеологической концепции Тегерана – «хомейнизма» (Имаков, Семедов 2011). Она не только составляет мировоззренческую основу так называемого «обновлённого шиизма» для реализации внутри страны, но и стала отправной точкой для формирования её «стратегической культуры» (*Strategic Culture*) во внешнеполитической деятельности (Шумилин 2022). На европейском континенте она интерпретируется иранским режимом как «культура сопротивления», разумеется, современной западной цивилизации в целом (Parchami 2022).

Как правило, посланцы «Хезболлы» представлены в странах ЕС по линии «Департамента внешних сношений» (ДВС) в Бейруте. «Так называемые “дипломаты” от ДВС создают на месте пребывания “общинные центры”, чтобы обеспечить поддержку “Хезболлы” проживающими там шиитами... Они собирают фонды, работают с потенциальными рекрутами, а также служат пунктом коммуникации и связи между своими сторонниками в стране пребывания и руководством организации в Ливане, а также между оперативными сотрудниками “Хезболлы” в разных странах», – так описывает работу «диппредставительств» этой радикальной группировки в Европе Данни Ситринович, старший научный сотрудник Института международной дипломатии в Израиле, автор доклада под названием «Радикализация на службе революции: Иран, “Хезболла” и шиитское население в Европе» (Citrinowicz 2020).

Не удивительно, что наиболее радикальную пропаганду и практические действия в её духе власти Ирана обычно поручают именно офисам «Хезболлы», создавая эффект дистанцирования от неё на официальном уровне. А сами предпочитают действовать инструментами «мягкой силы».

«Мягкая сила» по-ирански

В течение XX столетия иранское внешнеполитическое ведомство приобрело богатый опыт оперирования «мягкой силой». «Культурная дипломатия» использует тысячелетнее наследие самобытной культуры и её уникальный вклад в мировую сокровищницу. При шахском режиме (до 1979 г.) главные акценты делались на доисламский период Персидской империи с её особой религией зороастризм, на величии самой империи во всех её менявшихся формах и размерах. Особо подчёркивалась преемственность и, следовательно, легитимность монархических династий, уходивших корнями в период существования державы Ахеменидов (VI–IV в. до н.э.). Тем самым формировались идея верности иранских правителей многовековым традициям и ореол величия вокруг последней шахской династии Пехлеви (1925–1979 гг.). Своего

апогея «культурная дипломатия» шаха достигла в 1971 г., когда режим широко отметил 2500-летие монархии на территории современного Ирана. Главные события происходили в городе Персеполисе, известном как столица Ахеменидов. С существенным увеличением доходов от энергоносителей в 1970-е гг. шах Реза Пехлеви и его супруга Фарах оказывали щедрое покровительство всем видам культуры и искусства, учредив в Ширазе фестиваль, который ежегодно собирал знаменитостей со всего мира (Gluck 2007).

После революции 1979 г. центральной идеей политической жизни и государственного строительства в Иране стал ислам. На интерпретациях религиозных догм шиизма формировались и внешнеполитические стратегии страны, составляя их идеологический базис. Необходимость для иранской дипломатии иметь дело с внешним миром, включаться в мировые процессы естественным образом развернули её со временем в сторону прагматизма и минимальной модернизации. Однако при жизни основателя ИРИ аятоллы Хомейни для внешней политики были очерчены жёсткие ограничения, выразившиеся в формуле «Не Запад и не Восток, а Исламская республика». И это при определении в качестве «Большого Сатаны» Соединённых Штатов и их регионального партнёра Израиля, а «Малым Сатаной» был назначен Советский Союз. В результате в 1980-е гг. «культурная дипломатия» была подчинена задаче экспорта исламской революции во внешний мир. Она не могла быть решена без вписывания иранской дипломатии в общеисламский контекст, главным лозунгом которого была идея «исламской солидарности».

Изначально эта задача выглядела практически нерешаемой, поскольку претензии Хомейни на лидерство Ирана даже в шиитском сегменте ислама (это не более 20% мусульман в мире) не во всех крупных общинах единоверцев встречали понимание и поддержку, не говоря уже о суннитах (порядка 80% мусульман). Показательно, что уже в 1980 г. суннитские страны – особенно в регионе Ближнего Востока – де-факто объединились в противостоянии режиму аятолл в связи с разразившей войной между Ираном и Ираком. Сверхзадачей лидеров ведущих арабских стран было сорвать иранские попытки возглавить исламский мир и предотвратить экспорт, по сути, шиитской версии ислама (да ещё и весьма радикальной) в регионе и за его пределами (As Iran Exported... 2007).

В 1980-е гг. «культурная дипломатия» Тегерана, пронизанная идеей экспорта шиизма, оказалась в тупике: она была отвергнута как большинством государств с мусульманским населением, так и в странах Запада и социалистического лагеря во главе с СССР. Проблема для работы иранского МИДа создавалась и организационной коллизией: основные структуры, призванные формировать имидж Ирана¹, неизменно находятся под прямым контролем рахбара (аятоллы Хомейни, а после него – Хаменеи). Он же наделён полномочиями назначать в иранские посольства функционеров в качестве атташе по культуре. Собственно, МИДу всегда отводилась роль исполнителя, который при этом нёс ответственность за эффективность внешнеполитической пропаганды.

С уходом Хомейни и избранием в 1997 г. президентом Мохаммада Хатами наблюдалась существенная трансформация базовой доктрины имиджа Ирана и, соответственно, его «культурной дипломатии». Сам президент, считавшийся сторонником реформ, сочетал богословское образование с впечатляющими академическими знаниями. Начало его пребывания в должности совпало с осознанием немалой частью элитных кругов необходимости разрядки напряжённости, снижения уровня противостояния Ирана с внешним миром (прежде всего с соседними арабскими монархиями и странами Запада в целом). В результате Хатами стано-

¹ Среди них одна из важнейших – Организация по вопросам исламской культуры и коммуникациям (*Islamic Culture and Communication Organization*), созданная в 1995 г.

вится автором принципиально новой концепции «Диалога цивилизаций», на основе которой в следующее десятилетие выстраивался и образ страны, и её «культурная дипломатия» (Petito 2004).

Представленная лично Хатами на международных форумах и на академических площадках прежде всего ряда университетов Франции, а также и некоторых других европейских стран, эта концепция не только широко прозвучала, но и вызвала дискуссии и в целом положительные оценки со стороны политиков и учёных в мире. Более того, она задела чувствительный нерв мировой политики, поскольку была сформулирована как антитеза вошедшей тогда в моду концепции С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций». Если последняя предполагала неизбежность межцивилизационных конфликтов, то интеллектуальный продукт команды Хатами отрицал такую перспективу, предлагал её устранить через общение и взаимопонимание. Примечательно и то, что принципиально формула Хатами была ближе к шахской концепции с её акцентом на тысячелетнее наследие персов, чем к видению Хомейни. Автору и его интеллектуальным и политическим сподвижникам было важно преподнести миру образ Ирана как страны с уникальным цивилизационным наследием, а это неизбежно несколько смещало фокус внимания потребителя с фактора ислама. Диалог цивилизаций, по Хатами, должен выстраиваться на взаимопонимании и взаимодействии прежде всего культур, где религия остаётся важным, но лишь одним из источников самобытного мировоззрения.

По мнению экспертов, именно «культурная дипломатия» стала главным инструментом имплементации внешней политики Ирана. Атаолла Мохаджерани, министр культуры в правительстве Хатами, сказал в этой связи следующее: «В то время культура стала первым и главным элементом политики правительства Хатами. Было ясно, что, например, министр культуры часто воспринимался и был фигурой более значимой, чем министр иностранных дел» (Wastnidge 2014: 369).

Преемник Хатами откровенный консерватор Махмуд Ахмадинежад вошёл в историю как президент – разрушитель положительного имиджа Ирана, созданного его предшественником. В его президентство вновь обострились отношения с Западом и Израилем. Он также прибегал к инструментарию «культурной дипломатии», но совершенно с иными целями, чем его предшественник. В рамках его концепции акцент делался на лингвистическом аспекте взаимодействия культур, поскольку – наряду с поддержанием напряжённости с Западом – проводимая им политика была направлена на укрепление связей Ирана со странами Средней Азии, прежде всего – с лингвистически близкими Таджикистаном и Афганистаном. Важной инициативой Ахмадинежада стала идея создания «Союза персоговорящих стран» (Иран, Таджикистан, Афганистан) (Wastnidge 2014). Неудивительно, что его подход к инструментарию «мягкой силы» эксперты и журналисты начали именовать не иначе, как «мягкой войной» (*Soft War*). Хотя этот термин использовался и иранской пропагандой для характеристики «агрессивных информационных атак» стран Запада против ИРИ (Wastnidge 2014).

Следующий президент Хасан Роухани (2013–2021 гг.), считавшийся не реформистом и не консерватором, а, скорее, прагматиком, попытался возродить часть элементов концепции «мягкой силы» времён Хатами. Особенно это было заметно в деятельности его министра иностранных дел Мохаммеда Завада Зарифа, который ещё при Хатами был представителем Ирана в ООН (т.е. приобрёл богатый опыт работы на международной арене). Однако попытки этого тандема (Роухани – Зариф) нормализовать отношения с Евросоюзом увенчались лишь частичным успехом, свидетельством чему стала «ядерная сделка» (2015 г.). Но отказ США от этих договорённостей в 2018 г. существенно подорвал позиции сторонников СВПД в высших эшелонах иранской власти. Резко активизировавшиеся клерикалы развернули кампанию кри-

тики прагматиков (Роухани – Зарифа) с целью продемонстрировать бесперспективность и нецелесообразность диалога и переговорного процесса со странами Запада. В результате при нынешнем президенте Ибрагиме Раиси удельный вес инструментария «мягкой силы» в арсенале внешней политики заметно сократился. А сама «мягкая сила» вновь, как и во времена Ахмадинежада, всё больше напоминает то, что было описано термином «мягкая война». Неудивительно на этом фоне, что столь противоречивые векторы применения Тегераном «мягкой силы» не вызывают особых симпатий в шиитских сообществах стран ЕС. «Основная масса людей, относящихся к иранской диаспоре, предпочитают развивать собственную культурную индустрию. Если бы Иран был демократией западного образца, то объединение усилий внутри его и в диаспоре по созданию имиджа страны, несомненно, дало бы колоссальный эффект, существенно улучшив образ страны в мире», – констатирует Э. Вестнидж, известный британский специалист по внешней политике Ирана (Wastnidge 2014: 366).

* * *

Строительство внешнего образа государства в Иране отражает те же особенности, что и процессы формирования и реализации внешней политики. Это две базовые составляющие – *идеологическая константа (ислам) и прагматическая гибкость (набор тезисов, свидетельствующих о направленности политического курса)*. Как и в большинстве авторитарных государств, сфера государственного PR и строительства имиджа страны жёстко монополизирована офисом национального лидера. Он контролирует соответствующие центры разработки имиджа и структуры, задействованные в его имплементации. Под его руководством проводятся информационные мероприятия за пределами страны, планируются и осуществляются информационные кампании. Офис лидера отбирает, назначает и контролирует работу атташе по вопросам культуры в посольствах Ирана за рубежом. Их статус поднят до дипломатического ранга советника.

Сам процесс создания имиджа не всегда связан с реальностью – в действительности он максимально зависит от расстановки политических сил в стране, точнее – от соотношения влияния между клерикально-консервативными структурами и командой избранного президента. Это просматривается в изменениях базовых концепций имиджа и внешней политики Ирана в постреволюционный период: от «ни Запад – ни Восток, а Исламская республика» Хомейни, через период разрядки и «Диалог цивилизаций» Хатами, отката от него и возвращения к противостоянию с Западом с последовавшим разворотом к Центральной Азии президента Ахмадинежада, наконец, к попытке усиления прагматизма Роухани – Зарифа. При нынешнем главе исполнительной власти ситуация пока не ясна.

На этом фоне в иранской диаспоре в европейских странах сформировалась и набирает популярность собственная концепция, сводящаяся к сочетанию иранских корней с европейскими ценностями и признании определённой значимости религиозного фактора (шиизма). «Мягкая сила» из Тегерана не оказывает заметного воздействия на иранскую диаспору в Европе, чего нельзя сказать о деятельности радикальных элементов там – прежде всего агентов «Хезболлы». Масштаб их влияния на данный момент сложно определить, но совершенно очевидно, что этот феномен может представлять угрозу для европейской безопасности.

Список литературы / References

«Final text» to revive Iran nuclear deal is ready, says EU's Josep Borrell. CNN. 08.08.2022. Available at: <https://edition.cnn.com/2022/08/08/middleeast/iran-nuclear-deal-final-text-borrell->

intl/index.html (accessed 29.08.2022).

Aarabi, K. (2019). What Is Velayat-e Faqih?, The Tony Blair Institute for Global Change. 20.03.2019. Available at: <https://institute.global/policy/what-velayat-e-faqih> (accessed 29.08.2022).

As Iran Exported Its Shiite Revolution, Sunni Arabs Resisted. NPR. 14.09.2007. Available at: <https://www.npr.org/2007/02/14/7392405/export-of-irans-revolution-spawns-violence>.

Citrinowicz, D. (2020). Radicalization in the Service of the Revolution: Iran, Hezbollah, and the Shi'ite population in Europe. Report №19. 12.2020. Available at: <https://www.abbaeban.runi.ac.il/post/radicalization-in-the-service-of-the-revolution> (accessed 30.06.2022).

EU decision to ban the military wing of Hezbollah risks closing avenues for dialogue and further destabilising Lebanon's precarious peace. Conciliation Resources Australia. 07.2013. Available at: <https://www.c-r.org/news-and-views/comment/eu-decision-ban-military-wing-hezbollah-risks-closing-avenues-dialogue-and> (accessed 29.08.2022).

Gluck, R. (2007). The Shiraz Arts Festival: Western Avant-Garde Arts in 1970s Iran'. Leonardo 40(1): 20-28.

Iran (Islamic Republic of)'s Constitution of 1979 with Amendments through 1989. CHAPTER X. Foreign Policy. Constitute. URL: *Iran_1989.pdf (constituteproject.org) (accessed 27.08.2022).

Mounting pressures for total EU ban on Hezbollah. The Arab Weekly. 31.05.2020. Available at: <https://the arabweekly.com/mounting-pressures-total-eu-ban-hezbollah> (accessed 29.08.2022).

Parchami, A. (2022). An Iranian Worldview: The Strategic Culture of the Islamic Republic. Journal of Advanced Military Studies (13): 9-23.

Petito, F. (2004). Khatami' Dialogue among Civilizations as International Political Theory. The International Journal of Humanities 11(3): 11-29. Available at: <https://ejh.modares.ac.ir/article-27-9945-en.pdf> (accessed 29.08.2022).

Rasmussen, K.B. (2009). The Foreign Policy of Iran: Ideology and pragmatism in the Islamic Republic. Danish Institute for International Studies. Available at: <http://www.jstor.org/stable/resrep13162> (accessed 29.08.2022).

Wastnidge, E. (2014). The Modalities of Iranian Soft Power: From Cultural Diplomacy to Soft War. Politics 35(3-4): 364-377. DOI: 10.1111/1467-9256.12084

Имаков, Т., Семедов, С. (2011). Хомейнизм – идеология политического ислама // Россия и мусульманский мир (5): 123-135. [Imakov, T., Semedov, S. (2011). Khomeinism – the ideology of political Islam. Russia and the Muslim world (5): 123-135. (in Russian).]

Ирану запрещают вести прокси-войну. Anna News. 29.05.2018. [Iran is banned from waging a proxy war. Anna News. 29.05.2018. (in Russian)]. Available at: <https://anna-news.info/iranu-zapreshhayut-vesti-proksi-vojnu/> (accessed 29.08.2022).

Шумилин, А.И. (2022). Шиитские общины в Европе: умеренные vs радикалы. Часть 1 // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН 27(3): 105-112. [Shumilin, A.I. (2022). Shiite communities in Europe: Moderates vs. Radicals. Part 1. Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN 27(3): 105-112. (in Russian)]. DOI: 10.15211/vestnikieran32022105112

Шумилин, А.И. (2020). США – ИРАН: между «максимальным давлением» и «героической гибкостью» // Мировая экономика и международные отношения 7(64): 69-79. [Shumilin, A. (2020). USA – Iran: Between «Maximum Pressure» and «Heroic Flexibility». World Economy and International Relations 64(7): 69-79. (in Russian)]. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-7-69-79